
МАТЕРИК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В.П. Руднев

СТРАННЫЕ ОБЪЕКТЫ И СТРАННЫЕ ФАКТЫ (К психологии бреда-галлюцинаторного комплекса)

Аннотация: в статье излагается новый взгляд на бреда-галлюцинаторный комплекс, в соответствии с которым в нем господствуют «странные объекты» (термин У. Биона) и «странные факты» (термин, введенный автором статьи). При бреде величия больной сам превращается в странный объект, в галлюцинирующую. Галлюцинации и мир для него исчезают.

Ключевые слова: психология, шизофрения, бред, преследование, воздействие, величие, субъект, объект, факт, галлюцинация.

В 1957 г. Уилфред Бион в статьях «Отличие психотической части личности от непсихотической» и «О галлюцинациях» начинает систематически употреблять понятие «странные объекты», под которыми он понимает (во многом вслед за Мелани Кляйн) измельченные фрагменты невыносимой для психотика психической реальности, исторгнутые посредством патологической проективной идентификации во внешнюю среду, окружающую человека¹. В книге² мы расширили понимание странного объекта и обосновали тезис, в соответствии с которым любая вещь потенциально может стать странным объектом, так как мы черпаем материал для галлюцинаций, в конечном счете, из повседневной реальности. Даже камень, лежащий на дороге, может стать странным объектом, если он оказывается объектом манипуляций компульсивной личности, как это произошло, например с фрейдовским Человеком-Крысой.

В день ее отъезда он споткнулся о камень, лежащий на дороге и был вынужден переместить его с пути на обочину, так как им овладела идея, что так как ее экипаж проедет здесь несколькими часами позднее, то по причине наличия здесь этого камня может произойти несчастье. Но через несколько минут ему это показалось абсурдным, и он был вынужден вернуться

и переместить камень в первоначальную позицию на середину дороги³.

Особенность странного объекта в том, что он, будучи одушевленным или не одушевленным предметом, активно взаимодействует с субъектом, например, как-то особенно смотрит. Так, у меня перед компьютером стоит фотография Фрейда и пристально смотрит на меня, нахмутив брови, как будто осуждает за что-то. Другая особенность странного объекта — его сильная аффективная выраженность, чаще враждебная, поскольку странный объект является активным агентом бреда воздействия (как и любого другого бреда). (Но воздействие иногда может быть и благожелательным, как, например, в случае «Утешения философией» Боэция.)

Однако если есть «странные объекты», то должны быть и «странные факты». Недаром Витгенштейн писал в «Логико-философском трактате», что «мир состоит из фактов, а не из вещей»⁴. И даже то, что кажется объектом, на поверку оказывается фактом (но об этом ниже).

Короче говоря, если странные объекты — это элементы галлюцинаций, то странные факты — это элементы бреда. Здесь уместна следующая лингвистическая аналогия. Странные объекты ассоциируются с подлежащим, а странные факты с предикативным центром бреда-галлюцинаторного речевого акта.

Что же такое странные факты? Это когда какой-то человек (странный объект), как мне кажется, при-

¹ Бион У.Р. О галлюцинациях // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. М., 2008; Бион У. Отличие психотической части личности от непсихотической // Там же. С. 105, 106, 126, 137, 139.

² Руднев В. Новая модель шизофрении. М., 2012 (в печати).

³ Фрейд З. Знаменитые случаи. М., 2008. С. 254.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

стально наблюдает за мной (бред отношения), Медный всадник (странный объект) бежит, как кажется Евгению, за ним (бред преследования), или псевдогаллюцинация (в этом случае можно употребить выражение псевдо-странный-объект, но это не так существенно, так как психотик часто не различает внутреннюю и внешнюю реальность) нашептывает человеку, чтобы он убил психоаналитика (бред воздействия), человек ударяет себя в грудь и говорит «Я — Наполеон» (бред величия).

Чем странные факты отличаются от нестранных фактов или просто фактов? Прежде всего, они могут иметь место лишь в галлюцинаторной реальности психотика. Кроме того, они, как правило, носят экстравагантный характер⁵. То есть когда человек кричит: «Спасите, грабят», и при этом ничего не происходит, то это странный факт. Или психотик колотит, просто разбивает все вокруг себя вдребезги. Последний пример чрезвычайно важен, так как, по-моему, он и подобные ему (разрывание письма на мелкие кусочки, разрывание безумным художником Чартковым полотен других художников в финале повести Гоголя «Портрет» — этот склад останков чужих шедевров находят после его смерти) являются эквивалентом психотической фрагментации психики, измельчения ее на странные объекты.

Но наш основной тезис состоит в том, что подобно тому, как любой объект потенциально может стать странным объектом, точно так же любой факт может стать странным фактом. Например. «Я иду по улице». Как этот факт может стать странным фактом, то есть предикативным элементом бредево-галлюцинаторного поведения? Больной лежит на кровати. Врач его спрашивает: «Что вы делаете в данный момент?» Больной отвечает: «Я иду по улице».

И я думаю, что это справедливо по отношению почти к любому факту. Но по отношению к некоторым фактам трудно вообще отграничить странность от нестранности, экстравагантность от неэкстравагантности, внутренности от «внешности» и даже галлюцинаторности от негаллюцинаторности. Например. Я считаю фактом интенциональное состояние, выражающееся предложением: «Я люблю эту женщину». Мне говорят: «Тебе только кажется, что ты ее любишь». Но где «внешние критерии», которыми можно поверить «внутреннее состояние»?⁶ Как сказала героиня Катрин Денёв в фильме «Северо-Восток»: «Ей кажется, что она его любит, но это все равно, что она действительно ее

любит» (за точность цитаты не ручаюсь). «Я верю в Бога» — ни доказать, ни опровергнуть это я не могу (даже взойдя на костер). Можно возразить, что есть специфически бредево-галлюцинаторные странные факты, например: «Четвертый уицраор испустил дух» (из «Розы мира».) Но есть люди, которые считают «Розу мира», откуда взят этот пример, не бредом сумасшедшего и не «поэмой» (как она компромиссно названа в предисловии к одному из изданий), а философским произведением, обладающим чертами высшей подлинности. «Я ем круглый квадрат». Это специфический странный факт. Предположим, что больной что-то себе запикивает в рот. Можно его спросить: «А как выглядит круглый квадрат?» Он ответит, что это нечто одновременно круглое и квадратное. «Но это же логически невозможно. Нарисуйте круглый квадрат!» Тогда он, скажем, может нарисовать круг, вписанный в квадрат. Не будем забывать, что шизофреник (психотик) существует в алетической реальности, то есть в такой реальности, где все возможно, как в сновидении. (Однажды в юности, когда я занимался теорией стихосложения, мне приснилась «двойная сегментация поэтической речи», она выглядела как нечто вроде каракатицы.) Но есть принципиальное отличие бреда от сновидения. У. Бион говорит по этому поводу следующую загадочную фразу: «Он (пациент. — В. Р.) живет теперь не в мире сновидений, а в мире объектов, являющихся декорациями сновидений»⁷. Что это значит?

Как я понимаю, здесь важно, что, нападая на естественные связи между объектами и идеями⁸, психотик как бы возводит искусственные психотические связи между странными объектами и фактами, внутри которых он насильно находится. Это и есть декорации. Отсюда психотический язык шизофреников с неологизмами и разорванным синтаксисом — это констелляции странных объектов и странных фактов, среди которых он пребывает, находясь в бредево-галлюцинаторном комплексе. Эти особенности (как и многие другие) психотического мышления и поведения виртуозно умеет показывать Владимир Сорокин:

— Ну, это слишком серьезный пловкрнае, — усмехнулся зам главного редактора.

— Долаоенр в тот самый кера? — повернулся к нему Бурцов.

— Имас виса вся северная Сибирь, — улыбнулась Суровцева.

⁵ См.: Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.

⁶ Витгештейн Л. Избранные философские работы. Т. 1. М., 1994.

⁷ Бион У.Р. О галлюцинациях // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. М., 2008. С. 106.

⁸ Бион У.Р. Атаки на связь // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. М., 2008.

— Жороса ыук, — развёл руками Бурцов. — Я же оплоно им рас, Александр Палыч...

— Старичок, но домлоанр говпр, дочапвепк нав! — засмеялся Александр Павлович.

Бурцов пожал плечами:

— Дорпонр павса, Александр Палыч. Я же не опроанрк шорапв...

Собравшиеся негромко засмеялись. (Из «Нормы»)

Здесь синтаксис сохраняется, а некоторые слова превращаются в абракадабру. Мне кажется, важно, что Сорокин акцентирует здесь вовсе не то, что этот диалог психотичен, а наоборот, подчеркивает его обыденность, его абсурдную обыденность, так как любая действительность абсурдна. Почему любая действительность абсурдна? Почему каждый факт встраивается в агломерат странных фактов, а не в систему обыкновенных фактов?

Возьмем последовательность предложений. Я иду в кино. Солнце светит мне прямо в лицо. Мне хорошо от этого солнечного света. Разве здесь не естественные связи между фактами: тем, что я иду в кино; тем, что светит солнце и тем, что мне от этого хорошо. Вроде бы естественные. Но почему писатель вроде Сорокина рассматривает подобные системы фактов как насквозь фальшивые? Потому что мы, описывая реальность, вернее, думая, что мы описываем реальность, на самом деле описываем лишь наши стереотипные представления о реальности. Человек идет в кино, солнце светит ему в лицо, ему хорошо. А на самом деле, может быть, у него неделю назад умер любимый отец, и вот он пошел в кино, чтобы заглушить душевную боль, деперсонализировать ее. Он думает: «Мне хорошо», но искренне ли он это думает, мы не сможем узнать. И, наконец, светящее в лицо солнце, вовсе не обязательно должно вызывать ассоциации с чем-то хорошим. Вспомним кульминацию повести А. Камю «Посторонний», когда именно светящее в лицо солнце заставило героя выстрелить в араба.

Я думал, что, стоит мне только повернуться, уйти, все будет кончено. Но ведь позади был огненный пляж, дрожащий от зноя воздух. Я сделал несколько шагов к ручью. Араб не пошевелился. Все-таки он был еще далеко от меня. Быть может, оттого что на лицо его падала тень, казалось, что он смеется. Я подождал. Солнце жгло мне щеки, я чувствовал, что в бровях у меня скапливаются капельки пота. Жара была такая же, как в день похорон мамы, и так же, как тогда, у меня болела голова, особенно лоб, вены на нем вздулись, и в них пульсировала кровь. Я больше не мог выносить нестерпимый зной и шагнул вперед. Я знал, что это глупо, что я не спрячусь от солнца,

сделав один шаг. Но я сделал шаг, только один шаг. И тогда араб, не поднимаясь, вытащил нож и показал его мне. Солнце сверкнуло на стали, и меня как будто ударили в лоб длинным острым клинком. В то же мгновение капли пота, скопившиеся в бровях, вдруг потекли на щеки, и глаза мне закрыла теплая плотная пелена, слепящая завеса из слез и соли. Я чувствовал только, как бьют у меня во лбу цимбалы солнца, а где-то впереди нож бросает сверкающий луч. Он сжигал мне ресницы, впивался в зрачки, и глазам было так больно. Все вокруг закачалось. Над морем пронеслось тяжелое жгучее дыхание. Как будто разверзлось небо и полил огненный дождь. Я весь напрягся, выхватил револьвер, ощутил выпуклость полированной рукоятки. Гашетка подалась, и вдруг раздался сухой и оглушительный звук выстрела. Я стряхнул капли пота и сверканье солнца. Сразу разрушилось равновесие дня, необычайная тишина песчаного берега, где только что мне было так хорошо. Тогда я выстрелил еще четыре раза в неподвижное тело, в которое пули вонзались незаметно. Я как будто постучался в дверь несчастья четырьмя короткими ударами (курсив мой — В.Р).

Каждый факт должен быть, если так можно выразиться «экзистенциально продиагностирован», только тогда можно определить степень его странности. Само по себе описание фактов, интенциональных состояний и прочего, ничего не скажет нам о том, что это за факты. Происходит это оттого, что мы описываем факты при помощи предложений, а объекты — при помощи слов. Но на самом деле никаких слов и предложений в реальности не бывает. Нам кажется, как мнилось и раннему Витгенштейну, что каждое слово соответствует предмету реальности, а каждое предложение — факту. Но это совершенно не так. Сама система фактов «Я иду по улице — солнце светит мне в лицо — мне хорошо» — это именно то, что Бюнер назвал декорацией, то есть не сам факт, а мертвая оболочка факта, его замена, ведь, как и речь, декорация — это замена реальности. Почему же предложение «Я иду в кино» это замена? Замена чего? Допустим, никакой отец у этого человека не умер, и ему действительно хорошо оттого, что он идет в кино. Как определить в таком случае, что система фактов реальна, что он действительно идет в кино, а не лежит на кровати и не бредит, что он идет в кино? Допустим, я читаю несколько предложений: «Я иду в кино. Солнце светит мне в лицо. Мне хорошо». Что это такое? Откуда эти предложения взялись, что это за речевой жанр? Это некий отчет о реальности? Но таких отчетов

не бывает, скорее, это похоже на предложения из художественного рассказа. Потому что бессмысленно создавать отчет о том, что я иду в кино. Ну, иду и иду. Я иду *молча*. Потребность высказаться возникает, когда что-то не так. Но я просто иду в кино, и солнце светит мне в лицо. Никто не убедит меня, что это происходит со мной не в реальности, а в бреде или во сне, что это все декорации. Но какой-нибудь Морфеус может щелкнуть пальцами, и окажется, что это все компьютерная программа, матрица, и я нахожусь на самом деле среди каких-то развалин, что никакой реальности нет, что она искусственно воссоздана умными машинами. Ну а если нет никакого Морфеуса и никакой матрицы? Я упрямо продолжаю идти в кино, и солнце ласково светит мне в глаза, и мне хорошо. Допустим, это действительно реальность. Что такое реальность? Это то, что происходит на самом деле, то что, не выдуманно и что естественно. Я — иду — в кино. Кажется, что ничего более естественного и быть не может. Никаких странных фактов и никаких странных объектов. В чем же проблема? Проблема в том, кто это говорит и зачем. Я не вижу ни одного подходящего речевого жанра, ни одной подходящей языковой игры. Ну, положим, я сам себя спрашиваю о том, что я сейчас делаю и сам себе отвечаю «Я иду в кино». Но разве о таких вещах спрашивают? Хорошо, звонит мобильный телефон, и мне звонит жена: «Ты где? Что ты делаешь?» — «Я иду в кино». Вот подходящий контекст найден. Но для того, чтобы найти этот подходящий контекст, мы ввели странный объект — мобильный телефон. Почему мобильный телефон — это странный объект? Ведь они давно стали элементами повседневной реальности. Ну, во-первых, не так давно, если сравнить это с длительностью развития человечества, совсем не так давно. Во-вторых, все эти предметы, которые являются источниками звука и изображения, они *в принципе* являются странными объектами — телевизор, радио, Интернет, кинематограф. Почему они являются странными объектами в принципе? Потому что они — галлюцинаторно порождающие объекты. Вот стоит ящик, а в нем сидит голова и что-то говорит, или из маленького предмета доносится голос жены. Мы просто привыкли к этому. На самом деле нельзя сказать, что это *естественно*. Это естественно для человека конца XX — начала XXI вв. Один мой приятель, психиатр, рассказывал, как он впервые увидел мобильный телефон. Он шел по улице и увидел, что какой-то человек говорит сам с собой — ясно, что это сумасшедший, подумал он. А это был просто один из первых владельцев

мобильника. В статье Биона «О галлюцинациях» таким шизопопорождающим объектом недаром является граммофон.

Давайте вернемся к тому, что такое порождение галлюцинации, почему они возникают и каков механизм их возникновения.

По Биону, главное в образовании психоза — нападение на связи, на системность. Почему для психотика так непереносима связь? Связь, система — это символ организма, живого, а безумие — это символ и одновременно возврат к смерти — смерти, которая является распадом всего. Атака на связи, таким образом, это проявление второго закона термодинамики. Что такое безумие — это превращение психики в хаос, возврат в додефференциации, по Вейкко Тэхкэ, который пишет об этом в книге «Психика и ее лечение».

Такое положение еще больше осложнено тем фактом, что с распадом репрезентаций Собственного Я и объекта, развившимся до начала шизофренической регрессии, возникающий в результате хаотический мир переживаний будет наполнен фрагментами этих разбитых сущностей. Они включают в себя осколки психически представленной агрессии, которая становится эволюционно возможной и мотивированной лишь после дифференциации Собственного Я и объектов и таким образом не будет наличествовать во время первоначальной эволюционной неудачи пациента. Вследствие недостаточной структуризации дошизофренической личности и большого количества фрустраций в жизни до психотического распада фрагменты агрессивных репрезентаций обильно представлены в ее вторично возрожденном недифференцированном мире, они привносят элементы ужаса в ее хаотическое переживание и дают начало вселяющим испуг галлюцинаторным переживаниям⁹ (курсив мой. — В.Р.).

Вот почему странные объекты — это фрагментированные объекты, а странные факты — это фрагментированные факты. Вот почему безумный все крушит вокруг себя, разбивает вдребезги, рвет все в клочки — это внешний аналог ужаса его внутренней психической фрагментации, ужаса додефференциации.

В хрестоматийной статье психиатра-экзистенциалиста Юджина Минковски приводится пример, как депрессивный шизофреник галлюцинаторно поглощает в себя осколки всего мира:

Эти идеи вины, разрушения, неминуемого наказания и преследования сопровождалась довольно

⁹ Тэхкэ В. Психика и ее лечение. М., 2001. С. 145.

странными комментариями. Он называл это «политикой остатков» (*politique des restes*) — политической системой, которая была организована специально для охоты за ним. Все отбросы, все отходы со всего мира сохранялись для того, чтобы однажды наполнить его живот. В этот список входило все без исключения. Когда кто-то курил, оставались сгоревшие спички, пепел, окурки сигарет. После еды это были крошки, испорченные фрукты, кости от курицы, остатки вина или воды на дне бокала. Он говорил, что его злейшим врагом была скорлупа от яиц, — она выражала страшный гнев его преследователей. Когда кто-то шил, то оставались обрывки ниток, обломки иголок. Все спички, нитки, обрывки бумаги и осколки стекла, валявшиеся на улице, предназначались ему. После этого шли остриженные ногти, волосы, пустые бутылки, письма и конверты, билеты на метро, пыль с ботинок, пищевые отходы из домов и ресторанов со всей Франции и т.п. Потом он перечислял гнилые овощи и фрукты, трупы животных и людей, мочу и кал лошадей. Он рассказывал нам: «Когда кто-то говорит о часах, то он говорит о стрелках, шестеренках, пружинах, маятнике и т.п.». И все это он должен был проглотить. Эти комментарии были бесконечны, в них говорилось обо всем, абсолютно обо всем, что он видел или представлял. Непросто понять, что малейшая вещь, самое незаметное действие повседневной жизни немедленно превращались в его врагов. <...> Однажды я неосторожно достал из кармана билет на метро. «Эй, — сказал он, — я еще не думал о билетах». Затем он начал говорить о билетах на поезд, на городской транспорт, на автобус, на метро и т.п. Этот вопрос занимал его несколько дней, потом мой пациент еще несколько раз упоминал эту тему в разговорах. «О, об этом я еще не думал», — повторял он каждый раз, когда ему казалось, что он забыл про ту или иную вещь. Более того, с той же целью он называл все вещи, которые видел вокруг себя, или перечислял все предметы одного класса. Когда упоминались микробы, то он начинал перечислять все их виды, которые знал, — вызывающие бешенство, тиф, холеру, туберкулез и т.п. Всем этим собирались наспиговать его внутренности. В другом случае совершенно одинаковым тоном он стал говорить о кислотах — хлористоводородной, серной, щавелевой, уксусной, азотной. Таким способом пациент преследовал недостижимую цель — перебрать все возможные, воображаемые предметы во Вселенной. Как он говорил, «это ведет к бесконечности». У нас еще будет случай вернуться к данной теме. Эта деятельность не ограничивалась только перечислениями, мой пациент проделывал еще и ре-

троспективную работу. Например, он мог подумать о коробке для волос, которую видел в парикмахерской. В эту коробку бросали состриженные волосы. Теперь его ужасала мысль о том, сколько там уже накопилось предназначенных для него волос. В другой раз, он вспоминал об обеде, на который пригласил много друзей, и начинал подсчитывать, сколько будет использовано яиц для этого обеда. Любой ценой он хотел знать, сколько еще будет действовать эта «политика остатков».

Были и другие проблемы, занимавшие его ум и вносившие живую струю в раздражающую монотонность течения его мысли. Некоторые из этих проблем носили отпечаток реальности. Например, его «политике остатков» были необходимы большие средства. Все обрывки ниточек и разбитое стекло, которые сначала должны были положить на его пути, а затем снова собрать, газеты, которые должны были купить, и книги, которые должны были напечатать, — все это требовало огромной суммы денег! Он считал, что со всей Франции с этой целью собирают пожертвования, а также используют средства из правительственных фондов. Его также интересовало, как они сумеют запихнуть в его живот трости и зонты. Он говорил, что «здесь мой разум меня подводит». Потом мой пациент нашел решение: его заставят проглотить только кусочек от каждой вещи, а все оставшиеся части поставят вокруг него¹⁰.

Но почему именно технические приборы в этом смысле являются галлюциногенно порождающими странными объектами? Что значит сойти с ума? Это значит лишиться хорошего объекта и приобрести плохой объект (в концептуализации книги В. Тэхкэ, на которую мы ссылались). Все искусственные источники порождения звука и изображения, природа которых психотику непонятна, воспринимаются им как фрагменты уничтоженного хорошего объекта. Когда женщина рвет на клочки письмо изменившего любовника, она этим его уничтожает. Это аналог контактной магии. Но ведь не мы первыми утверждаем, что мышление дикаря шизофренично. Поэтому Фрейд, называя Obsession в книге «Тотем и табу» *неврозом* навязчивых состояний, ошибался. Obsession, ритуальные магические действия — это состояние чрезвычайно архаические, то есть психотические. Когда уничтожают фигурку врага, фрагментируют ее, символически убивают, то тем самым убивают свою боль, боль которую приносит плохой странный объект.

¹⁰ Минковски Ю. Случай шизофренической депрессии // Экзистенциальная психиатрия. М., 2001. С. 238, 240.

Почему люди сходят с ума? Они претерпевают какую-то неудачу в раннем детстве. Что это за неудача, которая ведет к возврату, хаосу? Это неудача связи, соединения, а высший тип связи, соединения — это любовь. Эта неудача в любви к хорошему объекту и есть безумие. А потеря любви это потеря осмысленности, потому что человек не может любить сам себя — это нарциссизм, патология. Человеческое существование, как его задумал Бог, это существование в диалоге. Разрушение диалога, в первую очередь, диалога матери и ребенка — это и есть безумие. Вот почему нападение на связи, фрагментация так важны, это хаос одиночества. В чем трагедия «Постороннего» Камю — в его одиночестве.

Что же такое странный факт, если странный объект — это осколок разбитой психики, разбитого сердца? Почему люди сходят с ума? Потому что они не могут больше любить, нет хорошего объекта, он уничтожен собственной психикой. Но что значит любить? Любовь — это некая иллюзия, точно так же, как и психическое здоровье — это некая иллюзия. «Я вас любил безмолвно, безнадежно». Или как у Бродского:

*Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги,
Все разлетелось к черту, на куски.*

В «Стадии зеркала» Ж. Лакана ребенок впервые смотрит на себя в зеркало и осознает свое единство, но это единство галлюцинаторно, на самом деле он осознает свою фрагментированность, осознает себя как странный объект.

Это развитие переживается как временная диалектика, решительно проецирующая формирование индивидуума на историю: стадия зеркала есть драма, внутренний посыл которой стремительно развивается от недостаточности к опережению — и которая для субъекта, пойманного на наживку пространственной идентификации, измышляет фантазмы, постепенно переходящие от раздробленного образа тела к форме, каковую мы назовем ортопедической, его целостности, — и к, наконец, водруженным на себя доспехам некой отчуждающей идентичности, которая отметит своей жесткой структурой все его умственное развитие. Так разрыв круга от Innwelt'а к Umwelt'у порождает неразрешимую квадратуру инвентаризации «эго».

Это раздробленное тело, которое я в качестве термина допускаю таким образом в нашу систему теоретических отсылок, регулярно является в снах, когда аналитический импульс соприкасается с не-

которым уровнем агрессивной дезинтеграции индивидуума. Оно появляется тогда в форме разъятых членов и экзоскопически представленных органов, которые окрыляются и вооружаются для внутренних преследований, навсегда запечатленных в живописи визионером Иеронимом Босхом на их подъеме в XV веке в воображаемый зенит современного человека. Но эта форма осязаемо проявляет себя с органической точки зрения в направлении охрупчивания, определяющем фантазматическую анатомию, явную в шизоидных или спазмодических симптомах истерии¹¹.

Распад, фрагментация имеет глубокие мифологические корни.

Разрывание жертв, распятие и всеобщее воскресение. Растения производят огромное число семян и разбрасывают их как можно дальше. Согласно мифу (один из вариантов), египетский бог Сет разорвал Осириса на 14 частей и разбросал его останки по всему Египту, а Исида нашла их и воскресила Осириса (по другой версии воскресил его сын Хор). Поскольку Осирис был первым (по другой версии четвертым) царем Египта, его гибель означала и гибель страны, а воцарение над Египтом Хора было восстановлением (воскрешением) страны вместе с восстановлением праведной (от отца к сыну) власти. Забегая вперед, заметим, что воскрешение Осириса только потому и возможно, что его останки разнесены по всему Египту, но Сет этого знать не может — такова логика мифа.

Эпизод с расчленением Осириса, несомненно, восходит к обычаю разрывания человеческих жертв. Вначале это были соплеменники. О разрывании есть вообще немало сказок и мифов. Разрывание необходимо для последующего разбрасывания, благодаря чему жертва «окормляет» как бы весь мир (в пределах данного этноса, ради благополучия которого она и приносится). Разрывание и разбрасывание также воспроизводит миф о том, что вначале человек был разделен на несколько самостоятельных частей, связанных с основными элементами природы. Вот как об этом сказано в одном из старинных поучений: «От коих частей создан бысть Адам — от осьми частей: тело от земли, кости от камня, очи от моря...»

Таким образом, совершаемое указанным способом жертвоприношение «гарантирует» будущее воскрешение, аналогичное первоначальному сотворению человека. Поскольку же человеческие фрагменты про-

¹¹ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М., 1997. С. 138.

исходят, согласно мифологии сотворения, из элементов природы, воскрешение человека одновременно означает и восстановление (воскрешение) всего этнического Космоса¹².

Смысл разрывания в отчаянной попытке ремифологизированного сознания засеять мир вновь. Что значит засеять мир вновь? Это значит его дефрагментировать. Как лечат шизофрению? По В. Тэхкэ, психоаналитик становится заменой первого любящего объекта, происходит склеивание, превращения странного объекта в нормальный. Но что такое нормальный объект? Это равносильно тому, чтобы спросить, что такое здоровый человек. Лакан считал, что это просто адаптированный к реальности психотик.

Но вернемся к бредово-галлюцинаторному комплексу.

Первый тип шизофренического бреда — это бред отношения. Он характеризуется тем, что в нем нет галлюцинаций. Просто кто-то на меня как-то странно смотрит. Этот смотрящий, который, скорее всего, действительно существует в реальности, и является странным объектом, а странным фактом является то, что он так странно смотрит. При паранойе странный объект существует на самом деле, а галлюцинаторными являются странные факты. Потому что ведь при бреде отношения никто на самом деле может ни на кого не смотреть — это, так сказать, *пропозициональная галлюцинация*. То же самое происходит при любом другом паранойальном бреде, например, при бреде ревности. Человек придумал тот факт, что жена ему изменяет, причем изменяет систематически и чуть ли ни со всеми подряд. Он наделяет весь мир странными объектами, свидетельствующими о факте измены. Эти объекты существуют в реальности, но их пропозициональное наполнение — галлюцинаторное: параноик ревности обнаружил конфетную обертку в кармане пальто жены — ага, понятно! любовник подарил (пример М.Е. Бурно). Потом он увидел на столе две рюмки — ага! они с любовником пили вино (затравленная жена объясняет, что вино они пили с подругой, но объяснения не помогут). В пределе вся действительность начинает состоять из раздробленных странных объектов ревности — увидел на стене портрет Бетховена — значит, она изменяла ему с Бетховеном. Но это уже *шизофренический* бред ревности. Жена не могла изменять ему с Бетховеном, даже если бы и захотела. Если бы он увидел портрет Путина и решил, что она ему изменяет с Путиным, это была бы еще паранойальная

стадия, здесь не было бы алетического наполнения. Если бред отношения — это первоначальная стадия развернутого бредово-галлюцинаторного комплекса, то в этом случае не вполне ясна природа негаллюцинаторного странного объекта и галлюцинаторного паранойального странного факта. Допустим, я иду по улице в кино, и у меня бред отношения. Я вижу мужчину, который странно на меня смотрит. Где здесь зачаток шизофреничности? Где здесь измелеченность странного объекта, где ненависть к реальности? Паранойя и шизофрения различаются, прежде всего, тем, что паранойя предельно семиотизирована, а шизофрения десемиотизирована, потому что галлюцинации — это уже не знаки. Что такое паранойальный странный объект и параноидный странный объект? Это иллюзия и галлюцинация соответственно. Иллюзия наделяется значением, как правило, пропозициональным значением. Этот человек на меня странно смотрит. Что же здесь специфически шизофренического? В конце концов, мало ли кто как на кого смотрит. В чем же патология? В факте сверхценности. Что такое сверхценность с психоаналитической точки зрения? Какой самый главный сверхценный объект в жизни младенца — грудь/фаллос. Вспоминается пример Герберта Нюнберга, в книге которого рассказывается, как пациент говорит: «В саду поют пенисы»¹³. И вот, этот странный мужчина, вставший на моей безобидной дороге в кино, смотрит, он пока не преследует, он просто смотрит. Кем он является для параноика, очевидно, что отцом, если вспомнить основополагающую работу Фрейда о случае Шребера¹⁴. А если человек вошел в метро, и все на него странно обернулись — это все отцы что ли? Нет, толпа — это фрагментированный коллективный странный объект. Вот зачаток шизофреничности. Толпа обволакивает параноика, будущего шизофреника. Сравни фрагмент из рассказа Достоевского «Господин Прохарчин»:

Господин Прохарчин бежал, бежал, задыхался... рядом с ним бежало тоже чрезвычайно много людей, и все они побрякивали своими возмездиями в задних карманах своих кургузых фрачишек; наконец весь народ побежал, загремели пожарные трубы, и целые волны народа вынесли его почти на плечах на тот самый пожар, на котором он присутствовал в последний раз вместе с попрошайкой-пьянчужкой. Пьянчужка, — иначе господин Зимовейкин, — находился уже там, встретил Семена Ивановича, страшно захопотал, взял его за руку и повел в самую густую

¹² Интернет-ресурс: <http://www.prakultura.ru/thoughts/22/>

¹³ Нюнберг Г. Основы психоанализа. М., 1999.

¹⁴ Фрейд З. Знаменитые случаи. М., 2008.

толпу. Так же как и тогда наяву, кругом них гремела и гудела необозримая толпа народа, запрудив меж двумя мостами всю набережную Фонтанки, все окрестные улицы и переулки; так же как и тогда, вынесло Семена Ивановича вместе с пьянчужкой за какой-то забор, где притиснули их, как в клещах, на огромном дровяном дворе, полном зрителями, собравшимися с улиц, с Толкучего рынка и из всех окрестных домов, трактиров и кабаков. Семен Иванович видел всё так же и по-тогдашнему чувствовал; в вихре горячки и бреда начали мелькать перед ним разные странные лица. <...> Наконец господин Прохарчин почувствовал, что на него начинает нападать ужас; ибо видел ясно, что всё это как будто неспроста теперь делается и что даром ему не пройдет. И действительно, тут же недалеко от него взмогнул на дрова какой-то мужик, в разорванном, ничем не подпоясанном армяке, с опаленными волосами и бородой, и начал поднимать весь божий народ на Семена Ивановича. Толпа густела-густела, мужик кричал, и, цепенея от ужаса, господин Прохарчин вдруг припомнил, что мужик — тот самый извозчик, которого он ровно пять лет назад надул бесчеловечнейшим образом, скользнув от него до расплаты в сквозные ворота и подбирая под себя на бегу свои пятки так, как будто бы бежал босиком по раскаленной плите. Отчаянный господин Прохарчин хотел говорить, кричать, но голос его замирал. Он чувствовал, как вся разъяренная толпа обвивает его, подобно пестрому змею, давит, душит.

В определенном смысле важна не толпа, а сам субъект, странный субъект. Мы вводим понятие *странный субъект*. Что такое странный субъект?

Патологический субъект, да и всякий другой субъект внутренне расщеплен, диссоциирован. Он смотрит сам на себя и разговаривает сам с собой. Он сам творит свою реальность. При бреде отношения это наименее заметно. Субъект смотрит на другого человека, который смотрит на него, и думает: «А что это он так странно на меня смотрит? Наверное, что-то со мной не так». Он начинает оглядывать себя внутренним взором, ощупывать себя, но все вроде бы в порядке. Однако взгляд другого не дает ему покоя. Он не понимает, что это он сам смотрит на самого себя, что это еще не полностью отколовшаяся часть его личности, его предпсихотическая субличность. Все может на этом остановиться — человек выйдет из метро, забудет своего двойника и будет заниматься своими делами, но, если это шизофренический или, во всяком случае, потенциально шизофренически субъект (а мы все потенциально шизофренически субъекты, как

считает Тимоти Кроу¹⁵), человек рано или поздно вновь встретит самого себя.

Двойник

*Однажды в октябрьском тумане
Я брёл, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.*

*И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернёшься ли ты?)*

*Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.*

*И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...*

*Вдруг — он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?*

(Александр Блок)

При бреде преследования субъект становится еще более странным. Он еще воспринимает себя как некую целостность, но на самом деле он уже спроецировал себя на своего преследователя. Почему один человек должен преследовать другого, если тот ему ничего не сделал? И субъект начинает вспоминать, что он когда-то сделал кому-то, и из этих осколков вылепляет образ преследующего двойника.

¹⁵ Crow T. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // Schizophrenia Research. V. 28. 1997.

Но граница между внешним и внутренним здесь еще не полностью разрушена, она поколеблена в том случае, если имеет место галлюцинация — нечто проецируемое из психики, но воспринимающееся как реальность. Наиболее специфическим шизофреническим типом бреда является бред воздействия и соответствующий ему синдром психического автоматизма Кандинского-Клерамбо, когда больному кажется, что на него через его мозг действует какая-то посторонняя, часто сверхъестественная сила. Здесь важно понятие пенетративности (проницаемости), которое ввел А.И. Сосланд в статье «Что годится для бреда»¹⁶. Важность этого концепта в том, что он как раз обозначает почти полное разрушение границы между внутренним и внешним. Некая сила проникает через невидимые лучи, электрический ток и т. п. посредством псевдогаллюцинаций в психику больного, но это уже не паранойяльная проекция, а параноидная экстраекция, то есть такой механизм защиты¹⁷, который является специфическим для острого психоза. В чем принципиальная разница между бредом преследования и бредом воздействия? При бреде преследования сохраняется Я пациента, при бреде воздействия он уже становится игрушкой (автоматом) в руках могущественной силы, и разница между внутренним и внешним, то есть в традиционных терминах между психикой и реальностью, полностью стирается. Наконец, терминальный вид шизофренического бреда в этой последовательности — бред величия, когда больному кажется, что он — Наполеон, Христос и т.д., то есть имеет место феномен, который мы в работе «Бред величия»¹⁸ назвали проективной идентификацией, механизмом защиты, характерным для мегаломании. Здесь галлюцинацией в определенном смысле становится сам человек. Он теряет полностью собственное Я, превращается в другого человека и «действует» от его имени. Здесь и именно здесь происходит полное смешение и взаимный переход внутреннего во внешнее, формируется «лента Мёбиуса». Человек уже не окружен странными объектами — он сам становится странным объектом. Здесь уже не пенетрация, а полная транспарентность психики и

тела, перетекание тела в космос, превращение его в космическое первотело. Последнее можно продемонстрировать на случае, описанном Ясперсом. Больной Йозеф Мендель обладал утонченным интеллектом. Будучи юристом, он увлекся философией, читал Кьеркегора, Больцано, Рикерта, Гуссерля и Brentano. Его психоз носил характер религиозного бреда с идеями величия, но не полного, тотального величия. Суть его бредового сюжета заключалась в том, что он должен был каким-то образом освободить человечество, наделять его бессмертием. С этой целью Верховный, Старый Бог сделал его Новым Богом и для придания ему силы он вселил в его тело тела всех великих людей и богов (гипертранзитивизм). Это вселение и было кульминацией психотической драмы:

Сначала для увеличения его силы Бог переселился в него и вместе с ним весь сверхъестественный мир. Он чувствовал, как Бог проникал в него через ноги. Его ноги охватил зуд. Его мать переселилась. Все гении переселились. Один за другим. Каждый раз он чувствовал на своем собственном лице определенное выражение и по нему узнавал того, кто переселялся в него. Так, он почувствовал, как его лицо приняло выражение лица Достоевского, затем Бонапарта. Одновременно с этим он чувствовал всю их энергию и силу. Пришли Д'Аннунцио, Граббе, Платон. Они маршировали шаг за шагом, как солдаты. <...>. Но Будда не был еще внутри него. Сейчас должна была начаться борьба. Он закричал: «Открыто!» Тотчас же он услышал, как одна из дверей палаты открылась под ударами топора. Появился Будда. Момент «борьбы или переселения» длился недолго. Будда переселился в него»¹⁹.

Настоящий случай интересен тем, что он как бы приоткрывает механизм возникновения величия или, по крайней мере, один из возможных механизмов — представление о чисто физическом «переселении» в тело больного тел великих людей и Богов, чтобы потом можно было сказать: «Я — такой-то», чего, впрочем, больной не говорит, поскольку его бред не является типичным бредом величия. Здесь нет в строгом смысле экстраективной идентификации. Здесь происходит даже нечто противоположное и в логическом смысле парадоксальное. А именно — имеет место как будто бы интроекция, но интроекция не на уровне сознания, не на уровне интенционалов, а, так сказать, в «прямом смысле», на уровне экстенционалов, на уровне тел: больной

¹⁶ Сосланд А. Что годится для бреда? // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1.

¹⁷ Выделен нами в работе: Руднев В. Экстраекция и психоз // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 2.

¹⁸ Руднев В.П. Бред величия // Независимый психиатрический журнал. 2001. № 2.

¹⁹ Ясперс К. Избранные работы по психиатрии. М., 1996. С. 195-196.

интроецирует в свое тело тела великих людей и богов. Происходит своеобразная “экстрактивная интроекция”.

Отметим также еще два важных момента. Первый заключается в том, что, несмотря на то, что благодаря двойной ориентации больной, по-видимому, сохранял сознание своего “Я”, его уникальности, вероятно, понимая, что, несмотря на все переселения, он остается доктором Йозефом Менделем, пусть даже ему приходится выступать в роли “Нового Бога”, несмотря на это больной отождествлял свое тело и свое “Я” с телами и “Я” (сознаниями) всех переселившихся в него людей и всей вселенной:

При всех этих процессах его “Я” больше не было личным “Я”, но “Я” было наполнено всей вселенной. <...> Его “Я” было здесь, как прежде, не индивидуальным “Я”, но “Я” = все, что во мне, весь мир”²⁰.

Больной-мегаломан сливается с космосом, разливается по нему, становится мифологическим мировым телом. Вот почему вопрос о том, откуда взялся брегово-галлюциаторный мир, не возникает — **шизофреник сам его и создает из себя** — он галлюцинирующая галлюцинация.

Но самое интересное при этом, что в мире «здоровых» людей мы можем наблюдать примерно те же феномены. Идеи отношения часто встречаются в повседневной жизни. Когда мы едем в метро, нам кажется, что за нами наблюдают другие пассажиры, а это, как правило, так и есть (и мы за ними наблюдаем); когда мы входим в какое-то помещение, нам кажется, что все поворачивают головы и смотрят на нас, и что, как правило, и бывает на самом деле. Нам свойственно порой думать, что мы являемся центром мира и всем интересны, особенно это характерно для истерических и нарциссических личностей, и часто так и есть на самом деле. Например, кинозвезды или политики действительно всем интересны. Многим людям кажется, что их преследует начальник на работе или завистливый конкурент или даже наемный убийца, и это тоже бывает на самом деле. Некоторым людям кажется, что на них воздействуют другие люди, обладающие сильным энергетическим полем, — и это тоже бывает на самом деле: вспомним популярные в конце 1980-х годов телепередачи с Чумаком и Кашпировским. И мы вообще склонны воздействовать друг на друга, причем порой самым непонятным образом. Чем так загипнотизировал публику симулякр Путин? Как воздействуют на человека средства массовой

коммуникации? Разве обыватель не превращается в заводную игрушку в руках СМИ? Об этом много писал Бодрийяр в книге «Симулякры и симуляция». Реальность здесь, по его мнению, превращается в самопорождающуюся гиперреальность, которая является системой симулякров. И, наконец, мегаломания — это тоже не только психиатрический феномен. Многим людям кажется, что они представляют собой великих людей («Мы все глядим в Наполеоны»), и бывает так, что это в определенном смысле соответствует реальности.

*Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкрашен!
Я повсесердно утвержден!*

*От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорию литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!
<...>
Я выполнил свою задачу,
Литературу покорию.
Бросаю сильным наудачу
Завоевателя порыв.
<...>
До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!*

Характерна выделенная нами последняя строка — душа мегаломана-истерика растекается по всей вселенной и становится мировой душой подобно тому, как тело мегаломана-шизофреника становится мировым телом.

Но если галлюцинирует галлюцинация, то она делает это бессознательно, причем это не то бессознательное, условно говоря, невротическое, которое открыл Фрейд, где ключевым является понятие вытеснения, это бессознательное психотика, которое стало на место сознательного и практически полностью заместило его. (Подробно о бессознательном психотика см. соответствующую главу нашей книги²¹) Если модель фрейдовского здоровья — это когда на место Оно должно встать Я, то формула психоза противоположная — на место Я встает Оно. Поскольку Я у психотика практически нет, то у него, собственно говоря, нет и сознания,

²⁰ Там же. С. 198, 202.

²¹ Руднев В. Диалог с безумием. М.: Аграф, 2005.

только бессознательное, причем его механизмом защиты является не вытеснение (куда вытеснять-то?), а проективная идентификация, которая и является воплощением ленты Мёбиуса. Происходит это так. Ребенок на стадии принципа удовольствия, когда он галлюцинирует *в принципе*, что соответствует шизоидно-параноидной позиции у Мелани Кляйн, всегда чего-то хочет. Он хочет есть, хочет, чтобы его любили, но, в общем, он сам не знает, чего он хочет, так как он не может пока говорить. Он кричит, и понять, чего именно он хочет, очень трудно. Это очень похоже на поведение домашнего животного. У одного академика была собачка. Иногда она начинала приставать к хозяину и просить чего-то. Тогда он задавал ей серию стандартных вопросов. — Ну чего ты хочешь? Есть? — Нет. — Пить? — Нет. — Гулять? — Да. — Ну пойдем гулять. Этот хозяин собаки был «достаточно хорошей матерью». На ее проективную идентификацию он отвечал эмпатической заботой, он становился контейнером ее проективной идентификации. С ребенком и матерью происходит примерно то же самое. Она думает: «Чего он хочет?» Это вообще самый главный вопрос: чего хочет человек? И вот если она бессознательно догадалась, чего он хочет (может быть, он не есть хочет, а чтобы ему сменили пеленки), тогда она становится контейнером. Но если на его крик она отвечает раздражением или думает про себя: «Ну, сколько может кричать этот ребенок!», то она тем самым бессознательно его проективную идентификацию ему возвращает. Затем все происходит, как это описано в ранних статьях Биона. Проективная идентификация возвращается в бессознательное ребенка и больно ударяет его психику, отчего она раскалывается на мелкие кусочки, которые в виде странных объектов экстрацируются вовне, и вот перед нами картина психоза, «трансформация в галлюциноз» в терминах Биона. Мать и дитя — это некая симбиотическая система (Маргарет Малер),

которая поначалу совершенно неразделима — у них в определенном смысле общее бессознательное. Мать в ответ тоже начинает галлюцинировать — в итоге имеет место психоз вдвоем. Мать и ребенок — это и есть та лента Мёбиуса, где внутреннее переходит во внешнее, а внешнее во внутреннее. Но это всё понятно. А если ситуации возвращения проективной идентификации не происходит, то есть если не создается стандартная ситуация психоза? Ребенок накормлен, пеленки поменяны, он спокойно спит, и мать может заняться своими делами. Согласно новой модели шизофрении — это все равно галлюцинаторная ситуация. Имеет ли смысл различать галлюцинацию шизофреническую в традиционном смысле и «отнологическую»? Для чего нужна болезнь? Для чего нужно безумие? Всякое ли безумие креативно, как это мы привыкли повторять за антипсихиатрами и постмодернистами? Да, любой бред — это патологическое творчество, об этом можно прочитать даже в книге советского психиатра М.И. Рыбальского «Бред»²². Безумие нужно для творчества. А зачем нужно творчество? Зачем галлюцинировать? Затем, что иначе жизнь превращается в жизнь животного, причем не той собачки академика, которая хотела гулять (она уже была почти как человек), а дикого животного или даже не животного, а растения, ризомы. Человек не может шагу шагнуть, чтобы не сделать чего-то нового, каждое употребление языка носит новаторский характер, как считал создатель генеративной лингвистики Наум Хомский.

Нормальное использование языка носит новаторский характер в том смысле, что многое из того, что мы говорим в ходе нормального использования языка, является совершенно новым, а не повторением чего-либо слышанного раньше и даже не является чем-то «подобным» по «модели» тем предложениям и текстам, которые мы слышали в прошлом²³.

Список литературы:

1. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
2. Бион У.Р. Атаки на связь // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. М., 2008.
3. Бион У.Р. О галлюцинациях // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. М., 2008.
4. Бион У.Р. Отличие психотической части личности от непсихотической // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. М., 2008.
5. Витгенштейн Л. Избранные философские работы. Т. 1. 1994.

²² Рыбальский М.И. Бред: Систематика, семиотика, нозологическая принадлежность бредовых, навязчивых, сверхценных идей. М., 1991. С. 53.

²³ Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. С. 23.

6. Витгенштейн Л., Логико-философский трактат. М., 1958.
7. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М., 1997.
8. Минковски Ю. Случай шизофренической депрессии // Экзистенциальная психиатрия. М., 2001.
9. Нюнберг Г. Основы психоанализа. М., 1999.
10. Руднев В. Новая модель шизофрении. М., 2012 (в печати).
11. Рыбальский М. И. Бред. М., 1993.
12. Сосланд А. Что происходит для бреда? // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1.
13. Тэхкэ В. Психика и ее лечение. М., 2001.
14. Фрейд З. Знаменитые случаи. М., 2008.
15. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
16. Ясперс К. Избранные работы по психиатрии. М., 1996.

References (transliteration):

1. Binsvanger L. Bytie-v-mire. M., 1999.
2. Bion U.R. Ataki na svyaz' // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. M., 2008.
3. Bion U.R. O gallyutsinatsiyakh // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. M., 2008.
4. Bion U.R. Otlichie psikhoticheskoy chasti lichnosti ot nepsikhoticheskoy // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. M., 2008.
5. Vitgenshteyn L. Izbrannye filosofskie raboty. T. 1. M., 1994.
6. Vitgenshteyn L., Logiko-filosofskiy traktat. M., 1958.
7. Lakan Zh. Instantsiya bukvy v bessoznatel'nom, ili Sud'ba razuma posle Freyda. M., 1997.
8. Minkovski Yu. Sluchay shizofrenicheskoy depressii // Ekzistentsial'naya psikhiatriya. M., 2001.
9. Nyunberg G. Osnovy psikhoanaliza. M., 1999.
10. Rudnev V. Novaya model' shizofrenii. M., 2012 (v pechati).
11. Rybal'skiy M. I. Bred. M., 1993.
12. Sosland A. Chto goditsya dlya bredda? // Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal. 2001. № 1.
13. Tekhke V. Psikhika i ee lechenie. M., 2001.
14. Freyd Z. Znamenitye sluchai. M., 2008.
15. Khomskiy N. Yazyk i myshlenie. M., 1972.
16. Yaspers K. Izbrannye raboty po psikhiatrii. M., 1996.